

18+

МИХАИЛ ГЕННАДЬЕВИЧ
СТЕФАНОВИЧ

ДВА ВОСКРЕСЕНИЯ

Михаил Стефанович Два Воскресения

<https://litres.ru/74544338>

ISBN 9785007136532

Аннотация

Духовно-психологическая проза, перекладывающая Страстную неделю на судьбу современного творческого человека. Восемь глав — от Вербного триумфа до Великого Воскресенья — ведут параллельно евангельское повествование и историю взлёта, краха и возрождения музыканта. Две линии звучат как голоса в сонате: древний и современный, создавая резонанс, в котором читатель узнаёт собственный путь. Центральная мысль: твоя пятница или суббота — не конец, а воскресшее всегда лучше того, что было до падения.

Содержание

Вступление. От пальмовых ветвей до	5
Воскресения	
Воскресение пальмовое. Хорошо-то как,	9
Господи!	
Воскресенье. Когда всё складывается	14
Понедельник. Праздник прошёл. Что дальше?	20
Понедельник. Золотой мираж	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Два Воскресения

**Михаил Геннадьевич
Стефанович**

© Михаил Геннадьевич Стефанович, 2026

ISBN 978-5-0071-3653-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление. От пальмовых ветвей до Воскресения

Страстная неделя — историческое событие, и в этом её непреложная ценность: это не аллегория, не притча, а реальные дни, прожитые Христом в Иерусалиме. Каждый день зафиксирован, каждый шаг прослежен, каждое слово записано. Но христианская традиция с древности видит в этих днях ещё и типологию — прообразы, которые отзываются в жизни человека, идущего за чем-то большим, чем он сам.

Типология не подменяет историю, а раскрывает её глубину: события прошлого становятся прообразами некоего движения внутри души, а внутреннее движение учится видеть себя в далёких исторических событиях. Так вход Господень в Иерусалим — не просто эпизод, но прообраз всякого момента, когда призвание встречается с одобрением мира и сердце ликует, не замечая, что ликующий сегодня поклонник в пятницу закричит «распни». Страстная пятница — прообраз громкого крушения, когда кажется, что всё потеряно и хуже быть не может. Великая Суббота — прообраз тишины, в которой Бог не видим, но не исчез, а человек не понимает этого, в лучшем случае — заставляет себя верить в это, но всё равно страдает вдвойне: от потери и от отсутствия Того, Кто мог бы утешить. А Пасха — возрождение и обновлённая

сила, которая не возвращает прежнее, а создаёт нечто, чего прежде не было.

Мне кажется, каждый, кто начинал что-то настоящее — дело, призвание, отношения, — проходил эту «неделю» в своей жизни, даже если не знал, как она называется. И хорошо бы знать заранее: суббота — не конец. Она — тишина, в которой совершается невидимая работа, хотя тому, кто в ней стоит, это знать невозможно. Невозможно — пока не наступит утро следующего после субботы дня.

Отсюда и главный вопрос книги: что, если Страстная неделя — это не только о Христе, но и о тебе? Не в кощунственном смысле, не как подмена Его страданий нашими бедами, а в том смысле, о котором говорил апостол Павел: «Я сораспинаюсь Христу» (Гал. 2:19). Не буквально, а типологически, не тождественно, но образно. Не повторяя Его путь шаг за шагом, а узнавая в своём пути — в его поворотах, зигзагах, преодолениях гор и пропастей — тот же ритм, ту же логику, то же движение от триумфа через катастрофу и тишину к новой жизни.

Типология — слово холодное на ощупь, которое звучит немного отстранённо, как термин из учебника. Да, это слово объясняет процесс, но не передаёт опыт. Нельзя понять Страстную неделю по бесстрастной схеме. Можно — только увидев, как она проживается в реальной жизни, с её грязью, растерянностью, конкретными именами и глупыми деталями, которые никак не вписываются в красивый богословский

узор, но именно эти имена и детали и делают этот узор живым.

И вот здесь я хочу обратиться к тебе, читатель. Возможно, ты сейчас стоишь в своей пятнице: всё рушится, и кажется, что выхода нет. Или ты в своей субботе: тишина давит, и ты не видишь, где Бог, и боишься, что ничего уже не будет. Ты не хочешь красивых слов. Тебе не нужна схема, которая лишь выглядит как утешение, а на деле — просто способ всё объяснить и закрыть тему. Тебе нужен живой человек, который прошёл через похожую пустоту и может сказать: «Я был там. И я знаю, что рассвет приходит».

Поэтому в книге, рядом с историей Спасителя — история одного человека. Не святого, не мученика, не героя. Музыканта. Его зовут Артём. Он начинал большое дело, верил, что музыка — это язык молитвы, и однажды проснулся знаменитым. Потом всё рассыпалось: контракт разорван, друг ушёл, аплодисменты сменились улюлюканьем. Он прошёл через свою пятницу и свою субботу, не догадываясь, что живёт Страстную неделю. Не знал, что пятница — не конец. Не знал, что суббота — не последняя страница. Не знал, что воскресение придёт — тихо, без медных труб, как тихое имя в утреннем саду.

Его путь не повторяет путь Христа, но резонирует с ним: от триумфа к тишине и оттуда — к новому началу. В этой истории нет попытки сказать: «твои проблемы равны Его страданию». Она говорит о другом: «ты не один в своей тишине,

потому что по этому пути уже кто-то прошёл, и теперь у тебя есть след, по которому можно идти».

Воскресение пальмовое. Хорошо-то как, Господи!

Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних! (Матф.21:8,9)

Ты помнишь этот день — день, когда всё складывалось. (Или даже больше, чем день. Месяц? Год? Несколько лет?) Ты видел Царя! Пусть даже на ослике, а не в карете. Ты видел торжество Царя! Ты видел уверенность Царя! Ты видел радость и ликование людей. Ты был частью этой огромной радости. Ты сам был сплошной и ничем незамутнённой радостью.

Может, это был момент, когда ты, наконец, почувствовал: я на своём месте. Люди вокруг улыбались, признавали тебя, говорили ободряющие слова. Или проект, который ты вынашивал месяцами, вдруг получил зелёный свет — и все вокруг заговорили о тебе с уважением. А ты, скромно потупившись, отвечал: «Это Господь! Ему вся слава!» Или ты встретил человека, который изменил твоё восприятие жизни, и тебе казалось: вот оно, наконец-то, началось!

В такие мгновения внутри будто зажигается тихий огонь: ты думаешь, что теперь всё пойдёт ровно, складно, по плану. Что признание, которого ты ждал, станет трамплином для прыжка в Небо, а радость людей вокруг — гарантией, что ты не свернёшь с дороги, расправишь крылья, потечёшь и не устанешь. И в этом чувстве столько тепла, что хочется верить: дальше будет лучше.

Так входил Христос в Иерусалим. Представь эту улицу: узкая, вымощенная отполированным тысячами ног камнем дорога поднимается вверх, и по обе стороны её — люди. И возможности. Возможности служить этим людям. Воздух густой от запахов: пыль, нагретый камень, пряный аромат пальмовых ветвей, тонкий запах масла и благовоний, который всегда витает в большом городе перед праздником. Что это? Шафран? Мускат? Мята? Люди кричат, машут ветвями, кто-то срывает с себя плащ и бросает его на камни, чтобы ослёнок прошёл по мягкой ткани. За ним — другой, третий... «Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне!» — этот крик подхватывают десятки, сотни, тысячи голосов, он катится по улице, как волна, и кажется, что даже стены Иерусалима отзываются эхом. Весь город пришёл в движение. Люди, слышавшие о воскрешении Лазаря, стекались, чтобы увидеть Того, Кто творит чудеса своими глазами. Это был триумф. Радость. Обожание толпы. И снова радость.

И ученики шли рядом, и им казалось: вот, начинается.

Всё, во что они успели поверить, всё, ради чего оставили дома и просоленные рыбацкие сети — сейчас оправдается. Они не понимали ещё, что это начало не того пути, который они себе вообразили, а другого — гораздо более великого. В их глазах этот день был дверью в обещанное царство: они ждали, что теперь всё станет ясно, справедливо, торжественно. Пётр шёл чуть впереди, стараясь держаться ближе к Учителю, и в его сердце смешивались гордость и трепет: «Наконец-то все увидят, кто Он. Ну и немножечко — кто мы». Иоанн шёл рядом, запоминал каждую деталь: лица, выкрики, запахи, чтобы потом, в тишине, перебрать эти воспоминания, как драгоценные камни, и записать в Летопись восхождения Царя. А Иаков, обычно молчаливый, улыбался, и эта улыбка была почти детской — в ней было столько надежды, что она сама по себе казалась чудом.

А потом день стал склоняться к вечеру, и шум толпы понемногу затихал. В воздухе ещё витал запах свежих пальмовых веток, на улицах остались смятые пальмовые листья и ворох чьих-то одежд, брошенных на дорогу. Но город уже не гудел, как утром. Он словно переводил дыхание, не зная, что впереди — дни, которые изменят всё. Тени удлинялись, ложась на камни, и в этих длинных вечерних тенях было что-то торжественное и немного тревожное, будто сама тишина становилась свидетелем чего-то важного.

Ученики, уставшие от долгого пути и от волнения, сели рядом, перешёптываясь. Им хотелось удержать эту радость,

продлить ощущение, что всё сбывается, всё складывается. Пётр даже тихо сказал: «Теперь они точно поймут, кто Он». И ещё раз подумал про себя: «И кто мы». Но Иисус молчал, глядя на город, раскинувшийся перед ними. В Его взгляде не было торжества, скорее, глубокая сосредоточенность, будто Он слушал не крики толпы, а тишину, которая кралась следом. Очень-очень близко. Тишина не враждебная, не тяжёлая, но требовательная. Тишина, в которой не хотелось слышать вопросы: «А что ты будешь делать, когда аплодисменты стихнут? Когда вместо „осанны“ зазвучат другие звуки и ноты, складывающиеся в слова? Когда путь перестанет быть дорогой, усыпанной ветвями, и станет узкой тропой, где каждый шаг даётся дорогой ценой?»

Для тебя это тоже может звучать как вопрос. Ведь пальмовое воскресенье рано или поздно заканчивается. Проект, который все хвалили, требует не только признания, но и кропотливой работы. Человек, открывший тебе новый взгляд на мир, не может идти рядом каждую минуту. И наступает момент, когда вместо оваций тебя встречает тишина, и в ней звучит твой собственный голос: «Что дальше?» Но это потом. Сегодня ты — одна сплошная чистая радость. Сегодня — Пальмовое воскресенье. Тишина придёт позже. Вечером? Ночью?

Иногда эта тишина пугает: она кажется отказом, потерей, предательством. Но бывает и так, что именно в тишине приходит самое главное. Представь: ты идёшь по той же доро-

ге, по которой шёл утром, но теперь она пуста. На камнях лежат увядшие ветви, их края уже подсохли, и они шуршат под ногами, как старые письма. Тени стали почти чёрными, и в этой темноте город кажется другим — не праздничным, а настоящим, суровым и честным. И вдруг ты понимаешь: аплодисменты не строили эту дорогу, не клали эти камни, не растили эти пальмы. Дорогу строили те, кто работал в тишине, кто не ждал оваций, кто просто делал своё дело шаг за шагом.

Именно в этой тишине рождается настоящая верность. Не та, что держится на восторге и одобрении, а та, что остаётся, когда восторг уходит. Ученики не знали, что их ждёт, но они продолжали идти рядом. И даже позже, когда всё рушилось, даже когда страх и растерянность накрывали их с головой, нить, протянувшаяся от того дня в Иерусалиме, не рвалась до конца.

Может быть, твоё пальмовое воскресенье было именно тем днём, когда эта нить впервые стала ощутимой. Когда ты почувствовал: «Я не один. То, что я делаю, кому-то важно». И пусть сейчас вокруг тише, чем тогда, пусть дорога стала сложнее — эта нить всё ещё здесь. Она не зависит от количества аплодисментов. Она держится на том, что ты однажды решился пойти вперёд, даже не зная, куда ведёт путь. Пойти вместе с Царём.

Воскресенье. Когда всё складывается

*Спешит моя радость,
Бежит моя радость на шаг впереди.
Тропою безвестной,
Над синею бездной
Зовёт — догони!¹*

Артём жил в мире полутонов и синкоп. Он был джазовым пианистом, который годами писал сложную музыку для Бога — современные псалмы, где вместо органа звучало меланхоличное фортепиано.

Его квартира на верхнем этаже старого дома в Ялте походила на старую лодку: всё скрипело, качалось, пахло деревом и выцветшей бумагой. Рояль «Бехштейн» 1972 года занимал половину комнаты, вторую половину — стопки нот, исписанных карандашом, с зачёркиваниями, возвращениями, пометками на полях: «здесь — тишина Притчей», «как дыхание, не быстрее», «Бог не торопится». На подоконнике — кружка с остывшим кофе, на стене — картина неизвестного художника с изображением моря, пирса и нескольких парусных лодок. То ли рыбаки, то ли туристы. Артём любил этот рояль так, как любят живое существо: разговаривал с

¹ группа Воскресение, Спешит моя радость

ним, называл «стариком», извинялся, когда играл плохо.

Годами он писал музыку, которую почти никто не слышал. Квартирники по десять-пятнадцать человек, друзья друзей, знакомые знакомых. Но каждый раз он играл так, будто в зале с тысячами, а не десятком зрителей. Каждый раз после выступления думал: «Может, это и есть всё? Может, моя задача — играть для этих пятнадцати, и этого достаточно. Ведь Бог слышит. Разве этого мало?»

А потом кто-то выложил видео с одного квартирника. Его квартирника с его музыкой. Композиция называлась «Гимн Свету».

«Это же просто домашняя запись, — думал Артём, когда увидел ссылку. — Камера трясётся, звук плавает, в конце слышно, как кто-то кашлянул. Зачем они это выложили?»

Ролик стал вирусным за ночь. Миллионы просмотров, восторженные комментарии, разрывающие душу признания от незнакомцев. Артём читал их и не верил: «Они пишут „спасибо“, но за что? Я же просто играл. Я играл для себя. И для Бога. Не для них. Или... для них тоже? Может, оно всегда было для них, просто я не хотел сознаваться в этом?»

Крупнейший лейбл страны прислал частный борт. Эксклюзивный контракт, тур по стадионам, запись альбома с оркестром Игоря Бутмана. На закрытом банкете после подписания контракта холёные люди жали ему руку, пахнущую дешёвым мылом из гримёрки.

— Ты гений, Артём! Голос поколения!

Артём стоял в углу банкетного зала, держал бокал с чем-то пузырящимся, что не хотел пить, и думал: «Голос поколения. Они не слышали ни одной моей вещи, кроме „Гимна Свету“. Они не знают про „Псалом дождя“, про „Молчание Ионы“, про то, что я три года не мог доиграть до конца „Плач Иеремии“, потому что слёзы застилали глаза. Они любят не меня. Их тронуло что-то на тридцать секунд, пока ролик мелькнул в ленте. И всё. Но... вдруг в этих тридцати секундах и прячется настоящее чудо? Ведь и Христос просто был среди людей — и этого хватало, чтобы сердца отзывались. Может, и этих мгновений достаточно?» Телефон завибрировал в кармане. На экране — Лёша. Друг единственный, оставшийся с квартирных времён. Артём ответил, не выходя из зала, прижав трубку к уху.

— Лёха, ты видел?

— Видел. Весь интернет видел. Артём, я...

— Что?

— Я рад. По-настоящему рад. Только скажи мне одно: ты помнишь, как ты написал «Гимн Свету»? Тот вечер? Ты тогда три дня не спал, ты был не то серый, не то зелёный. И выжатый. Ты сказал мне тогда: «Я не знаю, кого я благодарю, но если это кому-то нужно — пусть найдёт этих людей». Помнишь?

— Помню.

— Вот. Просто не забудь это. А то, что сейчас происходит, — это круто, и ты это заслужил. Но ты написал «Гимн» не

для лейбла. Ты написал его для того, кто тебя услышал в ту ночь. Не теряй этого, ладно?

— Не потеряю.

— Обещаешь?

— Угу.

Артём убрал телефон и почувствовал, как внутри что-то шевельнулось — как будто старик «Бехштейн» тихо взял один-единственный аккорд там, в ялтинской квартире, за тысячи километров от этого зала.

«Лёша прав, — думал Артём. — Я писал это не для них. Мы писали. Но теперь они это слышали. И если они слышали — значит, так было нужно. Не мне решать, кому и когда. Я просто играл. И буду играть. А дальше — пусть будет, что будет. Может, именно для этого всё и начиналось. Может, пальмовые ветви бросают не тому, кого понимают, а тому, кого чувствуют. И это больше, чем понимание. Это — чудо».

Толпа кричала ему «осанна», видя в нём нового мессию от искусства. Артём стоял на балконе пентхауса, смотрел на огни чужого города и чувствовал себя пророком, которому открылась истина. Ему казалось, что он меняет мир.

Огни лежали внизу, как рассыпанные монеты на дне фонтана. Ветер с высоты доносил запахи мяты и бензина, и Артём вдыхал этот запах. Ему казалось, что так пахнет победа. Он прикрыл глаза и услышал — не ушами, а где-то глубже, в том месте, откуда рождалась музыка, — как весь город

будто тихо гудит в духовые на одной ноте. Низкой, ровной. Как будто Иерусалим двухтысячелетней давности. Как будто и ночная Ялта, и этот чужой мегаполис — всё это один и тот же город, и в нём всегда кто-то въезжает на ослёнке, а кто-то бросает плащ на дорогу, кто-то кричит «осанна», а кто-то молчит... И всё это один поток, одна мелодия, один «Гимн Свету».

«Вот оно, — думал Артём. — Вот что чувствовали они, когда шли рядом с Ним по той улице. Когда слышали крики, когда видели ветви. Они чувствовали: мир меняется. Сейчас. На их глазах. И я — часть этого. Я стою здесь, в этом потоке, и я не знаю, куда он несёт, но я знаю, что поток — живой, и я — тоже живой, и это счастье. Просто счастье быть здесь, быть частью чего-то большего, чувствовать, что всё, что ты делал в тишине, — вдруг зазвучало. И не имеет значения, надолго ли. Сейчас — имеет значение только это мгновение. Это тепло. Этот свет. Эта „осанна“, которая звучит не для меня, а через меня -как музыка, которую я не сочинял, а просто услышал первым».

Он открыл глаза. Город внизу мерцал, живой и огромный. Где-то в этом городе, в маленькой квартире, кто-то тоже сидел за старым роялем и играл для пустой комнаты, не зная, что через год, через два, через десять лет кто-нибудь выложит видео — и мир перевернётся. Или никто не выложит. Но кто-то всё равно будет играть. Потому что так устроена музыка: она не спрашивает, кому адресована. Она просто зву-

чит.

«Я не изменил мир, — подумал Артём, и эта мысль не несла в себе разочарование, а звучала светло, как утренний аккорд. — Я просто сыграл. А мир сам решил измениться. Или не решил — а просто услышал. Как слышит человек, которому наконец-то стало тихо вокруг: он слышит то, что всегда звучало, но раньше заглушалось шумом. „Гимн Свету“ звучал всегда. Я просто был тем, через кого он прошёл».

Он улыбнулся. Ветер трепал непослушные вихры, и вдруг Артёму стало смешно и весело, как в детстве, когда он впервые сел за рояль и ткнул в клавишу, в ответ на что звук блякнул в воздухе, как приглашение поиграть.

«Пусть это длится вечно, — думал он. — Сейчас — пусть будет праздник. Сейчас — пусть будут эти огни, этот ветер, эта „осанна“. Не забуду это чувство. Запомню, как билось сердце. Скорее всего впереди — не только праздник, но и тяжёлый труд тоже. И пот. И слёзы. А сейчас — всё-таки именно он, праздник. Пусть будет».

И ты, читатель, запомни это чувство. Запомни, как билось сердце. Это воспоминание ещё пригодится. Потому что впереди — не только праздник. Впереди — будни, которые покажут, на чём держится твоё ликование: на чужом восторге или на чём-то, что переживёт по времени и сиюминутный восторг, и молчание.

Понедельник. Праздник прошёл. Что дальше?

Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников. (Мар.11:15—17)

Пальмовые ветви уже вянут.

Это первая мысль, которая приходит в голову, когда читаешь евангельский текст о понедельнике². Вчера — «Осанна Сыну Давидову!», сегодня — приходится засучить рукава. Толпа, которая устилала дорогу плащами и кричала от восторга, разошлась по домам. Кто-то уже забыл, кто-то ещё обсуждает за ужином с соседями: «Ну что, видели? Он въезжал на осле. Я сам видел». Но вчерашнего восторга уже нет — только его эхо, быстро затихающее в камнях Иерусалима.

И вот в этой тишине, когда эмоции схлынули, начинается, может быть, самый важный день недели. Потому что именно

² У Марка, в отличие от Матфея и Луки, изгнание торговцев из Храма происходит не в воскресенье, а «На другой день» (Мар.11:12). Ради сохранения авторского замысла была предпочтена хронология Марка.

в понедельник становится видно: кто ты на самом деле, когда не аплодируют.

Евангелист Марк говорит об этом дне скупое, почти сухо: «Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул» (Мар.11:15). Всё. Никаких подробностей о выражении лица. Никаких комментариев о том, что чувствовали ученики. Только действие — резкое, ясное, без объяснений.

А потом — всё так же лаконично: «И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников» (Мар.11:17).

Я знаю людей, которые читают этот текст и видят в нём гнев. Праведный, святой, но всё-таки гнев — хлёсткий, разрушительный. Я и сам многие годы ужасался яростью и восхищался суровой решительностью Агнца. Христос с бичом в руке, столы летят, монеты звенят по каменному полу, голуби с криком разлетаются над перепуганными головами. Картина, которая нравится художникам и смущает проповедников: как же так, как же учить подставлять другую щёку?

А что если здесь не про гнев? Что если здесь про верность? Представьте себе мастера, который когда-то построил дом — с любовью, с расчётом, с пониманием, для чего он предназначен. В нашем случае — Дом молитвы. Место, где человек встречается с Богом, — не покупает прощение, не

заслуживает благоволение, а встречается. Просто встречается. Просто потому, что Бог здесь. И вот мастер возвращается через годы и видит: в его доме торгуют. Не обязательно потому, что все плохие, коррумпированные, вероломные — просто так получилось. Сначала кто-то поставил прилавок у входа, чтобы паломникам было удобно купить жертву. Потом кто-то открыл обмен валюты, потому что римские монеты нельзя было нести в храм. Потом кто-то догадался продавать голубей втридорога — ведь птицу-то всё равно нужно принести, а нести из дому далеко. И каждый раз казалось: это разумно, это удобно, это никому не мешает.

А в итоге — вертеп. Разбойники — это ведь не обязательно люди с ножами. Разбойники — это те, кто присваивает чужое. Кто занимает место, ему не принадлежащее, и делает это так привычно, что уже не замечает.

И Христос не кричит. Он просто возвращает дому его назначение. Как человек, который приходит в свою квартиру и видит, что кто-то устроил в ней склад. Он не злится — он наводит порядок. Потому что это — Его дом.

Не помню, кто из моих знакомых рассказывал (или же я где-то читал) историю из своего пасторского опыта. Послушай. Когда он был молодым и только начинал служение, у него в церкви был замечательный хор. Замечательный в том смысле, что пели они действительно хорошо — настолько, что люди стали приходить на службу ради хора. Не ради Бога, не ради молитвы — ради того, как тенор берёт верхнее

«до». Пастор молчал полгода. Потом однажды в воскресенье, после особенно бурных аплодисментов, вышел к кафедре и сказал: «Друзья, мы здесь не на концерте. Если вы пришли слушать пение — пожалуйста, приходите в пятницу вечером, мы будем петь для вас два часа. А сейчас — дом молитвы». Мой знакомый говорит, что после этого пришло человек на пятьдесят меньше. Для общины в двести членов — ощутимо. Но те, кто остался, — остались молиться. «Я не жалею, — говорил он с добродушной усмешкой. — Хор был прекрасный. Но дом — это не хор. Дом — это молитва».

В этом суть понедельника. После триумфа наступает день, когда нужно сделать то, ради чего всё начиналось. Не ради шума, не ради эффекта, не ради того, чтобы тебя заметили. Ради того, чтобы главное осталось главным.

Иисус входит в храм не для того, чтобы Ему аплодировали. Он входит, чтобы вернуть дому молитвы его подлинное назначение. «Дом Мой домом молитвы наречётся». Не «домом торговли», не «домом удобства», не «домом эффективности» — домом молитвы.

А теперь — к тебе, читатель. К твоему понедельнику. Позволишь?

Ты знаешь, что это такое. Был концерт, была премьера, была награда, была орация — а потом утро. Понедельничное утро, когда ты открываешь глаза и понимаешь: вчерашние аплодисменты ничего не решают. Они были. Они были настоящие. Но они — вчера. А сегодня нужно сесть за ин-

струмент, открыть нотную тетрадь, начать с чистой страницы. Или вернуться к проекту, который вчера казался блестящим, а сегодня пугает, как Везувий, извергающий тонны работы. Нужно просто встать и делать своё дело, когда никто не аплодирует.

Или ещё вариант. Ты замечаешь несправедливость там, где все привыкли ничего не замечать. Как те менялы в храме: ну торгуют, ну и что? Так принято. Так удобно. Так всегда было. И ты решаешь: нет, я не буду молчать. Не потому что ты скандалист. А потому что ты помнишь, каким этот дом должен быть.

Или третий вариант, самый простой и самый трудный — ты просто выбираешь не «как проще», а «как правильно». В понедельник, без триумфа, без толпы, без пальмовых ветвей. Просто потому, что верность — это не чувство, а действие.

Когда-то я думал, что радость — это эмоция, это переживание. Что она приходит, когда всё хорошо, и уходит, когда плохо. Что её нужно ждать, ловить, удерживать — как бабочку.

Но понедельник учит другому. Радость — это не то, что с тобой случается. Радость — это то, что ты выбираешь. Выбираешь, когда пальмовые ветви уже вянут. Выбираешь, когда вокруг тишина. Выбираешь, когда никто не смотрит.

И выбор этот требует усилий. Не героических, не сверхчеловеческих — просто постоянных. Как у пианиста, который каждый день открывает крышку рояля и начинает с гамм.

Не потому что это весело. А потому что без гамм не будет музыки. И музыка — это и есть радость, которую он выбрал делом.

Понедельник — день, когда радость перестаёт быть эмоцией и становится верностью. Верностью тому, ради чего ты начинал. Тому, что важно. Тому, что стоит делать даже тогда, когда никто не аплодирует.

Особенно тогда.

Понедельник. Золотой мираж

*Не спеши мой друг
Считать себя счастливым.
Оглянись вокруг —
Кругом чужие лица...³*

«Вербное воскресенье» не закончилось — оно просто сменило декорации.

Артём перестал принадлежать себе, он стал активом корпорации. Его жизнь превратилась в бесконечный парад чужих рук и расписаний. Утро начиналось с отчёта менеджера: графики охвата, демография слушателей (мужчины 25—34), данные, сколько из тех, кто кликнул, покупают футболки с его лицом.

Его музыка перестала быть звуком — она стала набором цифр в Excel-таблице.

Всё случилось быстро — как всегда случается, когда случается. Полгода назад Артём играл в пустом баре на набережной Ялты, для двадцати человек, из которых двенадцать были туристы, случайно зашедшие из-за дождя. Он играл свои вещи — тихие, узорчатые, с мелодиями, которые рождались из шума моря за окном. Никто не записывал. Никто не снимал. Музыка жила и умирала в одном вечере — и в

³ Группа «Воскресение», Звёзды

этом была её какая-то настоящая правда.

А потом кто-то всё-таки снял. Короткий фрагмент — тридцать секунд, Артём за роялем, с полузакрытыми глазами, и мелодия, которая словно поднималась откуда-то из глубины и зависала в воздухе, как птица, не решившая куда лететь. Кто-то выложил это в сеть. И понеслось.

Сначала — тысяча просмотров. Потом — десять. Потом — сто. Потом ему позвонил человек с московским номером и сказал: «Артём, я представляю интересы компании, которая хотела бы с вами поговорить». Артём подумал, что это розыгрыш. Оказалось — нет.

Контракт подписали через неделю. Тонкий, умный, составленный так, что Артём не чувствовал подвоха — пока не чувствовал. Ему дали продюсера, саунд-дизайнера, пиарщика, стилиста. Ему объяснили, что его образ нужно «докрутить». Что мелодии хороши, но нужно «расширить окно» — добавить понятные ходы, чтобы массовый слушатель зацепился. Что тридцать секунд из того видео стали вирусными не из-за музыки, а из-за игры солнечного света (косые лучи удачно упали на тетрадь с нотами, превратив её в какую-то сказочную инсталляцию), опять же — полузакрытые глаза, ностальгическая атмосфера. Что это и есть продукт.

Артём кивал. Он был благодарен. Ему казалось, что это и есть путь — тот, ради которого он двадцать лет учился и играл.

Через месяц он уже не узнавал свою музыку. Вернее —

он узнавал её, но как узнают своё лицо на чужом паспорте. Мелодии те же, но аранжировка другая: плотнее, громче, с битом, который подсказывал продюсер по имени Гарик — крупный, добродушный человек, который говорил «у нас получится» и искренне в это верил.

— Артём, слушай, — говорил Гарик, склонившись к монитору, — вот тут, на семнадцатой секунде, тебе нужно выйти на фортепианную фигуру раньше на полтакта. Народ не будет ждать. У них внимание — семь секунд.

— Но здесь же смысл в паузе, — спорил Артём. — Эта тишина перед звуком — она и есть...

— Я понимаю, — кивал Гарик. — Ты художник, я уважаю. Но давай сделаем две версии: одну для тебя, одну для них. Для них — без паузы.

Для них. Артём заметил, что всё чаще слышит это выражение. «Для них» — это для тех, кто не услышит паузу. Для тех, кому нужна мелодия раньше, чем она хочет родиться. Для тех, чьё внимание — семь секунд.

Его повезли развлекать гостей закрытого яхт-клуба. Ничем не похожего на тот, с картины.

Это было в конце августа, когда ялтинская жара ещё держалась, но уже сдавала — вечера становились длиннее, воздух тяжелее, море — тише. Артём сидел на заднем сиденье чёрного седана и смотрел, как мелькают за тонированным стеклом кипарисы и дачи. Менеджер — худощавый, энергичный Денис — говорил по телефону рядом, и Артём слы-

шал обрывки: «да, именно он... охват растёт... формат - лайт, фоновый, премиум...»

— Артём, — Денис отключился и повернулся, — всё просто. Десять минут фоновой программы, пока гости собираются. Потом ещё двадцать — в перерыве. Белый рояль, отличный акустический сетап. Публика — топ. Связи, деньги, медийные лица. Тебя заметят.

— Я думал, я играю концерты, — сказал Артём.

— Это и есть концерт, — улыбнулся Денис. — Просто формат другой.

Артёма провели через кухню мимо подносов с чёрной икрой. Повар в белом колпаке кивнул ему, как старому знакомому — видимо, музыканты тут проходили часто. Коридор был узким, с кафельным полом и люминесцентными лампами, и Артём подумал: так, наверное, чувствует себя инструмент, который несут в чехле через чёрный ход, пока гости в зале ждут музыки, но не думают о том, откуда она приходит.

В банкетном зале пахло озоном и безразличием. Кондиционеры работали на полную мощность, и воздух был чересчур холодным — как в операционной, где всё стерильно и ничто не может выжить. Высокие окна выходили на яхты, белые в вечернем свете, как чайки, замершие на воде. Столы были накрыты безупречно: белые скатерти, хрустальные бокалы, карточки с именами, напечатанными шрифтом, который Артём не узнал, но который, очевидно, стоил денег.

— Десять минут фонового джаза, пока господа обсужда-

ют сделки, — бросил распорядитель. Молодой, загорелый, с гарнитурой в ухе и планшетом в руке. Он не представился и не посмотрел Артёму в глаза — как смотрят на мебель перед тем, как переставить. — И давай что-нибудь повеселее, типа того вирусного видео.

— Это не джаз, — сказал Артём.

— Ну, пианино, — распорядитель улыбнулся, не поднимая глаз. — Главное — фоном.

Артём ударил по клавишам белого рояля. Инструмент был хорошим. Артём почувствовал это сразу за первыми аккордами: чистый, плотный звук, с телом, с характером. Рояль, который мог бы звучать, если бы ему дали. Но ему не дали.

Звук был стерильным, идеальным, отражающимся от холодных колонн. Артём играл ту самую мелодию — из вирусного видео, ту, которую все знали. Без паузы, без тишины, без того, ради чего она была написана. Как пересказ любимого стихотворения по памяти, когда помнишь слова, но забыл, зачем они.

Толпа продолжала жевать тартар. Мужчины в пиджаках без галстука обсуждали что-то, наклонившись друг к другу, — сделки, ставки, сроки. Женщины пили шампанское и смотрели в телефоны. Никто не повернулся к роялю. Никто не замолчал. Музыка была фоном — как кондиционер, как плеск фонтана во дворе, как ненавязчивый шум, который нужен только для того, чтобы заполнить пустоту между слова-

МИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.